
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца Христіанскими добродѣтелями: Надеждою, Любовію и Вѣрою. Въ Надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ Любви стремленіе къ самопожертвованію для блага ближняго; въ Вѣрѣ — всѣ нравственныя и общественныя обязанности. Всѣ сіи качества непримѣтно сообщаются воспитанникамъ. Онѣ не пріобрѣтаются изученіемъ; но человѣкъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что составляетъ предметъ размышленія; но все, что образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ, и усвояетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши: вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все, исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; лишь чувствами согрѣваются чувства. Желаніе настроить волю питомца ни малой не приноситъ пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время, и старается образовать полученныя отъ Природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

ПРОФЕССОРЪ ДАВЫДОВЪ.

Sękowski, Józef

Visiashchii gost'

ВИСЯЩІЙ ГОСТЬ.

=

ПРОИСШЕСТВІЕ НЕПРАВДОПОДОБНОЕ, ПОТОМУ ЧТО ИСТИННОЕ.

=

Какъ это случилось, что, въ теченіе пятидесяти столѣтій до Рождества Христова, и восемнадцати столѣтій послѣ Рождества Христова, люди не знали ни достоинства разбойниковъ, ни прелести разбойничьей жизни? что они только теперь спохватились, что въ свѣтѣ нѣтъ ничего занимательнѣе, прекраснѣе, возвышеннѣе, изящнѣе порядочнаго разбойника?.... Это вѣрно отъ того, что человѣчество, ведомое историческою судьбою народовъ, неуклонно стремится болѣе и болѣе къ совершенству, и теперь уже подвинулось къ нему довольно близко. Я думаю, это отъ того!

Какъ бы то ни было, но, подвинувшись къ совершенству, теперь и самъ я вижу, что предметъ самый богатый, самый достойный пера поэта, прозаика и философа, есть разбойникъ. Посмотрите, сколько людей прославилось въ наше время великими писателями и мудрецами, описывая только добродѣтели разбойниковъ и разбои добродѣтельныхъ! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть честнѣе и кротче изверга, душегубца? что для общества вреднѣе честнаго человѣка, который никому не свернулъ головы?.... Это, кажется, не требуетъ ни какихъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что это уже неоспоримо доказано во всѣхъ новѣйшихъ Французскихъ Романахъ, не считая самой новѣйшей диспртаціи великаго

.:.:

защитника воровъ, Г. Виктора Гюго: зри Claude Gueux. Ежели такъ, давайте же мнѣ изверговъ, головорѣзовъ, мучителей, каторжниковъ, великихъ плутовъ, великихъ воровъ, великихъ романтическихъ героевъ, — я буду великимъ писателемъ! Давайте ножи, топоры, плахи, палицы; давайте ужасъ и смерть, — сто, двѣсти, тысячу смертей, — какъ можно болѣе смерти и крови! Кровь есть лимонадъ модной Словесности. Этотъ слогъ есть слогъ Жанена. Позвольте мнѣ сдѣлаться великимъ писателемъ черезъ разбойниковъ! У васъ тоже будетъ Юная Словесность.

Вы не хотите дать мнѣ этой бездѣлицы?... А, вы не хотите, чтобъ я достигъ литературной знаменитости черезъ разбойниковъ! Такъ скажу вамъ правду, что я и самъ не хочу этого. Однако жъ, надо шествовать съ вѣкомъ; надо же и у насъ говорить что-нибудь о разбойникахъ, когда вся просвѣщенная Европа бредитъ ими и поэзіею живописнаго ихъ ремесла, — а то назовутъ насъ невѣждами, людьми лишенными образованности и тонкаго вкуса. Поистинѣ, случай весьма затруднительный! Какъ быть?...... Для спасенія чести нашей изящной прозы, я готовъ пожертвовать собою и воспѣть какой-нибудь разбойничій подвигъ, — но съ условіемъ, что это будетъ въ первый и послѣдній разъ моей жизни, что потомъ никогда уже не станете требовать отъ меня подобнаго самоотверженія. На этомъ условіи, — дѣлать нечего, — перекрестясь, разскажу вамъ нѣчто по *сей* части: разскажу простой анекдотъ, который разсказывали мнѣ вѣрные люди, прекрасно разсказывающіе всякіе анекдоты. Онъ оставилъ во мнѣ глубокое впечатлѣніе, какъ доказательство дивныхъ путей Небеснаго правосудія.

Въ двухъ верстахъ отъ..................

Еще одно условіе: позвольте, чтобъ мой разбойникъ былъ безъ добродѣтелей. Я разсказываю простой анекдотъ, только для вашей потѣхи, быть-можетъ и для вашего наставленія, а не для того, чтобъ прослыть философомъ юной литературной школы: притомъ же я ставлю себѣ въ честь не понимать ея философіи.

Въ двухъ верстахъ отъ В–а, стоитъ загородный домъ, – деревянный, съ зеленою крышею, уже не новый, – подъ лѣсомъ, при болотѣ, за рѣкою, на возвышеніи, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ большой дороги. Въ этомъ домѣ живетъ обыкновенно все лѣто и часть осени Гаврило Михайловичъ П***, отставной капитанъ, уѣздный судья и очень добрый человѣкъ, какъ всѣ уѣздные судьи В–ой губерніи.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1830 года, поутру, въ воскресенье, почтеннѣйшій Гаврило Михайловичъ съ почтеннѣйшею Прасковьею Егоровною, своею супругою, отправились, въ бричкѣ, въ городъ, за разными дѣлами, нетерпящими отлагательства,–въ церковь помолиться Богу, къ протопопу напиться настойки, къ прокурору откушать ботвиньи, къ предводительницѣ узнать о сплетняхъ, къ откупщику прочитать С.-Петербургскія Вѣдомости, къ губернатору поиграть въ бостонъ. Чуть господа за ворота, люди тоже со двора: дворецкой къ свату въ деревню, лакей въ гости къ пріятелямъ, поваръ въ кабакъ за водкою, поваренки на рѣку за раками, Прохоръ съ Дарьею въ лѣсъ за орѣхами, Васька съ Наташей въ болото за черникою и тому подобнымъ. Въ домѣ осталась одна Дуня, – Дуня, единственная въ цѣлой В–ой губерніи, бѣлая, розовая, стройная, веселая, добродѣтельная, царапливая, – горничная по своему званію, – по качествамъ души, любимица Прасковьи Егоровны, – предметъ частыхъ прогулокъ Гаврилы

Михайловича въ дѣвичью, – жертва противозаконной страсти канцеляристовъ Уѣзднаго Суда къ поцѣлуямъ, – идолъ, для котораго губернаторскій лакей, воспитанный такъ же, какъ и она, въ столицѣ, въ большомъ свѣтѣ, на Невскомъ Проспектѣ, никогда не успѣвалъ дочистить сапоговъ своему господину, къ немалому соблазну всей губерніи. Одинъ онъ въ тѣхъ странахъ былъ въ состояніи понимать ея чувства; одна она въ томъ городѣ умѣла оцѣнить его образованность. Они обожали другъ друга, какъ только пламенныя души обожаются въ Петербургѣ, у Казанскаго Моста, и были счастливы, какъ только можно быть счастливымъ въ провинціи.

Дѣвушки, оставшись однѣ въ домѣ, всегда боятся воровъ. На этомъ основаніи Дуня заперла наружную дверь ключемъ; и, чтобъ не думать о ворахъ, пошла поглядѣться въ зеркало, въ ожиданіи несравненнаго лакея, котораго предварила она наканунѣ, что господа на весь день уѣдутъ въ городъ. Дуня весело поправляла свои локоны, потягивала платочекъ на груди, и пожимала кушакъ, напѣвая сквозь зубы, –

Мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ. –

какъ вдругъ послышалось легкое стучаніе въ двери.–Это онъ!..... – И она стрѣлою полетѣла отворить ему.–Ахъ!!.... это не онъ!

– Это я! отвѣчалъ ей грубымъ, сиплымъ голосомъ, тихонько вмыкаясь въ двери, огромный мужчина въ изорванной байковой шинели и грязной безцвѣтной фуражкѣ; черный, давно небритый, съ страшными рыжими усами и краснымъ носомъ, съ разбитымъ лбомъ, синими губами и убійственнымъ взглядомъ, – прямой типъ предсѣдателя записныхъ посѣтителей городскихъ кабаковъ, или одна изъ тѣхъ адскихъ фигуръ, какія можно видѣть только на картинахъ

Сальватора Розы, совершенно почернѣвшихъ отъ времени въ тѣняхъ, и сохранившихъ яркія краски на освѣщенныхъ выпуклостяхъ, какъ-будто нарочно для того, чтобъ придать болѣе ужаса дикому ихъ выраженію.

Дуня въ испугѣ отскочила на нѣсколько шаговъ, и, вздохнувъ изъ глубины сердца, еще разъ произнесла въ душѣ: Это не онъ!!..... Между-тѣмъ незнакомецъ съ краснымъ носомъ вошелъ въ сѣни, преспокойно замкнулъ двери, и ключъ положилъ въ карманъ.

– Чего вы хотите? Кто вы таковы? вскричала Дуня. Начто берете ключъ?.....

– Не бойся, душенька! отвѣчалъ онъ, смѣясь. Я пришелъ къ тебѣ въ гости. Вѣрно тебѣ скучно одной въ домѣ?

– Извините!..... Зачѣмъ вы берете ключъ?

Онъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ ней и потрепалъ ее по лицу. Она отскочила еще далѣе.

– Зачѣмъ замкнули вы дверь?...... Отдайте ключъ! Я стану кричать.

– Понапрасну! Вѣдь я знаю, что никого нѣтъ на мызѣ.

– Вотъ новость! Пришелъ, и заперъ дверь замкомъ, какъ въ своемъ домѣ!

– Я всегда замыкаю дверь, коли мнѣ случится быть наединѣ съ такою красавицею, какъ ты, голубушка!

И опять потрепалъ онъ ее по лицу своею жесткою и неопрятною рукою. Она отскочила въ уголъ съ негодованіемъ.

– Но кто вы таковы?...... Это очень нехорошо, такъ, безъ всякаго знакомства, шалить и безпокоить дѣвушекъ......

— Къ знакомцамъ я не хожу въ гости, отвѣчалъ онъ холодно, перемѣняя выраженіе лица. И эти слова произнесъ онъ такимъ грубымъ, такимъ хриплымъ, пещернымъ голосомъ, что насквозь пронзилъ имъ бѣдную дѣвушку.

Дуня во всѣхъ переднихъ и въ уѣздныхъ канцеляріяхъ слыла очень храброю: не такъ то легко можно было уходить ее! Не одному дерзкому канцеляристу такъ оцарапала она лице ногтями, что онъ будетъ помнить ее, и дослужившись до столоначальническаго сана. Дуня по-истинѣ дѣлала честь Петербургской добродѣтели. Но робкій провинціяльный канцеляристъ съ пальцами, упитанными чернильною влагою, бездѣлица для дѣвушки, получившей воспитаніе въ одномъ изъ лучшихъ модныхъ магазиновъ Невскаго Проспекта: совсѣмъ иное дѣло небритый бродяга, плечистый и гадкій, въ байковой шинели, съ рыжими усами и фіолетовымъ носомъ. Его бы всякая испугалась. Дуня начала плакать.

— Не плачь, родная! Я не сдѣлаю тебѣ ни какого вреда, сказалъ онъ, смягчая голосъ и примкнувъ къ ней поближе.

Она испугалась смягченнаго голоса еще болѣе, и выпрямила руки впередъ, чтобъ не допустить его къ себѣ.

— Спрашиваю, кто вы таковы? вскричала она наконецъ въ отчаяніи, но съ притворною въ лицѣ смѣлостью, огонь которой постепенно погасалъ подъ катящимися слезами. Прошу тотчасъ сказать, кто вы?

— Кто я?

— Да, кто вы?... Вашъ чинъ, имя, фамилія?

— Я воръ.

— Воръ!! повторила она со страхомъ, и поблѣднѣла какъ снѣгъ.

— Моя фамилія воръ, а мой чинъ разбойникъ, примолвилъ онъ, и улыбнулся, нѣжно глядя ей въ глаза; но улыбка среди его лица походила на отблескъ плесени, плавающей по лужѣ грязи, освѣщаемой луною. Это слогъ хорошихъ Повѣстей о разбойникахъ, и вы видите что дѣло идетъ не на шутку: послѣ этой фразы должно ожидать всѣхъ ужасовъ. Дуня ощутила отъ нея (отъ улыбки, а не отъ фразы, а можетъ и отъ фразы)..... холодную дрожь во всѣхъ членахъ. Видя однако жъ, что онъ только издѣвается надъ ея страхомъ, она немножко ободрилась, и быстро возразила дрожащимъ еще голосомъ:

— Разбойникъ?... Фуй, какой гадкой чинъ!

— У всякаго свое званіе!... Прежде у меня было другое, но теперь нахожу...... Дай мнѣ, красавица, чего нибудь поѣсть. Я уже третій день ничего ртомъ не отвѣдалъ. Позавтракаемъ вмѣстѣ, а потомъ........

Онъ внезапно закинулъ свою руку за ея шею, и хотѣлъ поцѣловать въ самый ротикъ. При видѣ щетинистой бороды и страшныхъ усовъ, такъ дерзко лѣзущихъ на приступъ, при видѣ этого краснаго, отвратительнаго носа, уже почти касавшагося ея щеки, она одушевилась гнѣвомъ, злостью, силою, какую сообщаетъ только опасность въ минуту погибели, и оттолкнула его отъ себя.

—Извините, господинъ разбойникъ!.... Это нейдетъ! Прошу напрасно не пугать меня: я знаю, зачѣмъ вы сюда пришли!

— Знаешь?.... А зачѣмъ?

— Ужъ мнѣ одной вѣдать объ этомъ! Только позвольте себѣ доложить, что это очень невѣжливо....... я буду жаловаться. Сейчасъ отдайте мнѣ ключъ, и убирайтесь отсюда!

— Завтракъ! грозно вскричалъ незнакомецъ.

— Нѣтъ завтрака! вскричала Дуня. Кушанья ни какого нѣтъ въ цѣломъ домѣ. Ступайте завтракать въ кабакъ. Отъ васъ уже и такъ несетъ сивухою: вы уже, видно, хорошенько позавтракали.

— Какъ, нѣтъ кушанья? возопилъ онъ адскимъ ревомъ, сморщилъ усы, и устремилъ на нее сверкающій взоръ, хватаясь правою рукою за сапогъ. — Видишь ли!..... И показалъ ей широкой ножъ, на которомъ пестрѣли мелкія полосы черной грязи, слѣды недавно добытой крови и гдѣ-то наскоро обтертой о траву. Видишь ли, что я шутить съ тобою не намѣренъ?

Дѣвушка оцѣпенѣла. Онъ остолбенилъ ее своимъ ехиднинымъ взоромъ, который съ умысломъ напрягалъ изо всей силы и вонзалъ въ неподвижныя ея зѣницы.

— Завтракъ!

— Сейчасъ.

— Мигомъ! Мнѣ не досугъ.

— Берите, сударь, что вамъ угодно: въ шкафу есть вчерашнее жаркое и наливки.

— Проводи меня въ комнаты. Поставь все, что есть, на столъ. Шевелись!

Дуня, у которой колѣни тряслись отъ страха, блѣдная, разстроенная, тихо пошла къ шкафу, стоявшему въ передней. Онъ спряталъ ножъ въ сапогъ, и не отставалъ отъ нея ни на шагъ. Хлѣбъ, водка, соль, масло, сыръ и жареная телятина мгновенно были перенесены на столъ, на которомъ недавно завтракали сами хозяева, передъ выѣздомъ въ городъ. Онъ усѣлся, и, взявъ Дуню за руку, посадилъ ее подлѣ себя.

— Ну, что? сказалъ онъ, съ волчьею жадностью пожирая телятину, и поглядывая изъ подлобья на свою сосѣдку. Я напугалъ васъ порядкомъ?

– Конечно!... Всякая можетъ перепугаться!

– Напрасно вы прекословили! Если бъ вы тотчасъ меня послушались.... За ваше здоровье!... Выпейте со мною рюмочку, для компаніи.

– Я водки съ роду не пью.

– Жалко! А водка славная!..... Какъ васъ зовутъ?

– Катериной Николаев.....

– Врешь!... Неправда! вскричалъ онъ ртомъ, набитымъ яствою, и посмотрѣлъ на нее сурово. Я знаю, что тебя зовутъ Авдотьею Еремѣевною.

– Зачѣмъ вы спрашиваете, коли знаете?

– Спрашиваю, чтобъ испытать твою откровенность. Славная водка!... Нѣтъ ли еще такой?

– Есть еще одна бутылка въ шкафу.

– Пожалуйста, принеси ее сюда.

– Вотъ она!

– Спасибо! Позвольте же теперь поцѣловать васъ за то.

Дуня уже не смѣла сопротивляться, и смиренно подверглась жестокому поцѣлую. Онъ чуть не расцарапалъ ей щеки своей тернистою бородою. Она только потерла это мѣсто.

– Мало ли что я знаю? присовокупилъ онъ, проглотивъ третью рюмку водки. Вотъ, напримѣръ сказать, я знаю, что повытчикъ принесъ вчера Гаврилѣ Михайловичу полторы тысячи рублей отъ Ивана Ивановича Ф***, котораго дѣло поступило въ Уѣздный Судъ на прошедшей недѣлѣ. Такъ ли?

– Быть можетъ!

– Ну, а гдѣ Гаврило Михайловичъ держитъ свои деньги?

– Право, не знаю!

– А я знаю! Мы найдемъ ихъ..... Авдотья Еремѣевна! душенька! голубушка!......

– Что вамъ угодно?

– Мнѣ желательно, чтобъ вы улыбались.

Бѣдная Дуня принуждена была улыбаться. Гость былъ въ отмѣнномъ расположеніи духа: онъ смѣялся, шутилъ, съ нею. Дуня тоже мало по-малу забыла о страхѣ: она поднялась на бойкость, защищалась, гдѣ слѣдуетъ, даже хохотала, стараясь поддѣльною веселостью прикрыть свое омерзѣніе, и пламенно молясь Богу, чтобы гадкій гость съ краснымъ носомъ скорѣе наѣлся, напился и ушелъ, и чтобъ несравненный Иванъ скорѣе пришелъ вознаградить ее своею чувствительностью за это ужасное мученіе.

Увы! Иванъ, отпросившись у губернатора, шелъ къ ней изъ города, дорогою, скорымъ шагомъ, съ сердцемъ исполненнымъ нѣги и надежды. Онъ не шелъ, а летѣлъ; любовь придѣлала къ его сапогамъ собственныя свои крылья. Онъ летѣлъ стрѣлою. Но на пути была штофная лавка: штофныя лавки есть на всѣхъ путяхъ. Онъ хотѣлъ пролетѣть мимо. Но въ штофной лавкѣ были его пріятели, его друзья. Онъ завернулъ къ нимъ на минутку, только на минутку – и напился вмѣстѣ съ ними. Это случилось противъ его воли: самъ онъ былъ отъ этого въ отчаяніи......

Но это была одна изъ достопамятнѣйшихъ побѣдъ дружбы надъ любовью.

Между-тѣмъ гадкій бродяга допивалъ шестую рюмку водки. При седьмой онъ призадумался, нахмурилъ брови и скривилъ губы, какъ бы отъ припадка внутренней боли; черная тѣнь прошла летучимъ облакомъ по его глазамъ и лицу, и онъ невзначай вскочилъ со стула, толкнувъ неумышленно Дуню, которая чуть не упала ему подъ ноги. Онъ съ безпокойствомъ огля-

нулся во всѣ стороны, потомъ взялъ со стола бутылку съ водкою, хлѣбъ и кусокъ мяса, положилъ все это въ бездонный карманъ подъ шинелью, и сказалъ:

– Благодарствую за хлѣбъ за соль...... за угощеніе-съ. Гаврило Михайловичъ прячетъ свои деньги въ этой конторкѣ, не правда ли?......Ну, что жъ, говори! Видишь, что я не такой злой, какъ тебѣ, душенька, сначала показалось. Я добрый человѣкъ! Я тебя люблю...... очень люблю!...... Скажи только, какъ бы лучше хотѣла ты умереть?..... Чтобъ я тебя зарѣзалъ, э?.... или чтобъ я тебя повѣсилъ, вотъ напримѣръ, на этой балкѣ? Говори смѣло, моя любезная Дуня.....

– Что вамъ за охота стращать меня такъ неблагопристойно? возразила дѣвушка съ улыбкою на устахъ и со слезами на глазахъ, не вѣря, чтобъ гадкій шалунъ съ краснымъ носомъ говорилъ это серіозно.

– Что жъ не отвѣчаешь? сказалъ онъ, пристально осматривая конторку и находящійся въ ней замокъ. Желаю знать..... хочешь ли скорѣе....... быть... повѣшенною, али..... О!.... Гаврило Михайловичъ запираетъ свои деньги двумя замками?..... Постой!.... Не такіе мы отпирали.

И, говоря это, онъ вынулъ изъ кармана желѣзный инструментъ, которымъ тотчасъ принялся отпирать замокъ конторки. Дуня, остолбенѣвшая и дрожащая всѣмъ тѣломъ, стояла посреди комнаты.

– Ну, что?.... Говори смѣло, Авдотья Еремѣевна! Не можешь рѣшиться?.... Экой чертовской замокъ!.... Авдотья Еремѣевна!.... Я, сударыня, ожидаю отъ васъ отвѣта.... Давно ужъ не попадалъ мнѣ такой крѣпкій ящикъ!... Скажешь ли, или нѣтъ?

Крыша конторки отскочила вверхъ съ трескомъ.

– Охъ, сколько тутъ добра Божьяго! Ассигнаціи!.... и червонцы!.... и часы!.... Не ходятъ: видно испорчены.... Перстень!....... Онъ мнѣ не нуженъ. Вотъ этотъ алмазъ я возму: это все взятки?....

Такъ разсуждая съ самимъ собою и Дунею, онъ поспѣшно пряталъ въ карманъ и за пазуху найденныя въ ящикѣ деньги, часы и драгоцѣнности; потомъ быстро оборотился къ омертвѣлой дѣвушкѣ.

– Теперь слушаю ваше рѣшеніе, сударыня! Не теряйте времени, и говорите: какою смертію желаете вы умереть?

– Да что вы, сударь! Какъ вамъ не стыдно?... Эти шутки уже, право, некстати!

– Я не шучу, любезнѣйшая.

– Что жъ я вамъ сдѣлала? Вы взяли, что вамъ было угодно: я не препятствовала......

– Оно такъ; но, изволишь видѣть, я не люблю оставлять послѣ себя свидѣтелей: я истребляю ихъ всѣми средствами. У другихъ никогда не спрашиваю согласія; но какъ вы, сударыня, такая милая, такая хорошенькая, вѣжливая, то предоставляю вамъ самимъ избрать себѣ родъ смерти. Я люблю вѣжливость; я тоже воспитанъ въ Петербургѣ.......

Ей все еще не вѣрилось, чтобъ онъ говорилъ правду.

– Ну, говори скорѣе; мнѣ недосугъ. Оставимъ церемоніи. Мнѣ очень жалко, но ты должна погибнуть отъ моей руки. Я не дуракъ, оставлять тебя въ живыхъ, чтобъ ты послѣ разсказывала, какіе у меня усы, носъ, глаза, платье, что я здѣсь дѣлалъ, и куда ушелъ. Ну, Авдотья Еремѣевна! отвѣчай проворнѣе.

Каждое слово хладнокровнаго мучителя поражало ее новою смертію; вся ея кровь, вся жизнь сбѣжалась и заключилась въ сердцѣ; члены ея оледенѣ-

ли, и обильныя слезы струились уже по безжизненному лицу. Она зашаталась и упала на землю. Падая, она ухватилась за его ногу, начала цѣловать ее.

– Прости меня! кричала она, рыдая. Прости мнѣ жизнь, отецъ, судья, благодѣтель!..... Клянусь Богомъ, клянусь Пречистою, не скажу никому ни словечка!..... Пусть лишусь Царствія Небеснаго, если произнесу хоть полслова!........ Ради Христа, ради Святаго Чудотворца Николы, сжалься надо мной!.... Буду за тебя вѣкъ молиться, какъ за отца роднаго, спасителя, брата.....

Непоколебимый извергъ стряхнулъ ее съ своей ноги, и толкнулъ въ грудь. Тщетно протягивала она къ нему умоляющія руки и взоры; тщетно старалась смягчить каменное сердце всѣмъ, чѣмъ только послѣднее отчаяніе и любовь къ молодой и розовой жизни могутъ одушевить слова, голосъ и слезы слабаго, нѣжнаго созданія. Гранитъ растаялъ бы отъ теплотворной ихъ силы: злой человѣкъ сдѣлался еще жестче и свирѣпѣе. Выходя изъ терпѣнія, онъ поймалъ ее за волосы, отвалилъ голову ея навзничь, выхватилъ ножъ изъ сапога, и замахнулся, чтобъ вонзить его въ горло.

– Ай!... Христа ради! завизжала несчастная дѣвушка, пораженная видомъ ужаснаго орудія. Лучше повѣсить!.... лучше повѣсить!.... Отецъ родной, не закалывай!.... пощади меня!.... Ужъ лучше повѣсь!

– Ну, видишь! сказалъ онъ съ кровавою усмѣшкою: теперь-то умѣешь говорить! Зачѣмъ же вдругъ этого не сказала? Хоть я много потерялъ времени, но нельзя не оказать милости. Ты такая любезная!... Не бось, Дуня! Умрешь пріятнымъ образомъ. Отъ ножа умирать скверно. Я самъ желалъ бы,

чтобъ меня повѣсили, вмѣсто того, чтобъ сѣчь кнутомъ, ежели когда нибудь поймаютъ. Пойдемъ искать веревки!

Бѣдная дѣвушка, лишенная силъ и памяти отъ страха, холодная какъ ледъ, трепещущая, безъ мысли, безъ чувствованій, повиновалась во всемъ жестокимъ его повелѣніямъ. Веревка скоро была пріискана, и мучитель возвратился съ своею жертвою въ ту же комнату, гдѣ еще стояли остатки ужаснаго завтрака. Онъ погрозилъ что зарѣжетъ ее тотчасъ, если она осмѣлится хоть шагомъ тронуться съ мѣста; поставилъ стулъ на столикъ, и вскочилъ на него съ необыкновенною ловкостью. Просунувъ веревку между поперечною балкою и потолкомъ, онъ вынулъ ножъ изъ-за сапога, отрѣзалъ лишнюю ея длину, ножъ на-время заткнулъ за балку, и сталъ завязывать веревку двойнымъ узломъ. Дуня стояла неподвижно посреди комнаты; жаръ и холодъ быстро пролетали по ея тѣлу; передъ ея глазами мелькали яркіе огненные цвѣта; она ничего не видѣла, только молилась Богу, приносила покаяніе за грѣхи, поручала себя всѣмъ Святымъ, и мысленно прощалась съ возлюбленнымъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, безцѣнная! приговаривалъ душегубецъ, продолжая работу. Увидишь, какъ ловко я тебя повѣшу!...... Для меня это дѣло не новое......... Вотъ уже все готово, только надо попробовать, крѣпка ли веревка. Мнѣ очень было бы досадно, если бъ ты сорвалась и поломала себѣ ребра. Моя и твоя польза требуетъ...... Вынь стулъ изъ-подъ меня!

Дуня безчувственно подошла къ столику, и взяла стулъ изъ подъ его ногъ, тогда какъ онъ, держась обѣими руками за веревку, обвивавшую правую

его руку почти по локоть, чтобъ удостовѣриться въ ея крѣпости, повисъ на ней всею тяжестью своего тѣла.

– Оттащи столикъ въ сторону!

Дуня оттащила столикъ.

– Хорошо!... веревка славная! Сдержала бы не одну тебя, – тебя и меня вмѣстѣ.

Тутъ онъ пустилъ веревку, и хотѣлъ скочить на полъ; хотѣлъ, вѣроятно, удивить злополучную дерзкимъ и опаснымъ прыжкомъ; но приготовленная для нея петля, скользя по рукѣ, вдругъ сомкнулась у самой кисти. Палачъ Дуни дѣйствительно самъ повисъ – *за руку*.

Онъ уже висѣлъ, негодяй! Онъ ощущалъ пронзительную боль подъ кистію, и еще не хотѣлъ дать уразумѣть дѣвушкѣ о своемъ приключеніи, чтобъ она имъ не воспользовалась и не убѣжала. Онъ старался достать лѣвою рукою до кисти, но тяжесть косвенно висящаго туловища препятствовала ему привести плеча въ уровень. Онъ вдругъ сталъ неистово метаться и вертѣться въ воздухѣ, надѣясь разорвать веревку: и это оказалось безполезнымъ! Если бъ, по крайней мѣрѣ, ножъ былъ у него въ сапогѣ! Онъ могъ бы отрѣзать имъ веревку; не то, отрѣзать свою кисть, и спастись бѣгствомъ. По-несчастію, ножъ остался на балкѣ! Какъ тутъ быть?...

Онъ придумалъ еще одно средство, – отчаянное, последнее: совокупилъ весь свой духъ и свои силы; раскачался на веревкѣ и прыгнулъ всѣмъ тѣломъ вверхъ, какъ удавъ, издали бросающійся на быка, чтобъ обвить и смять его въ своихъ кольцахъ. Онъ хотѣлъ ухватиться ногами за балку и добраться до ножа....... И это не удалось!

Тяжесть дюжаго туловища, поднятаго въ воздухѣ на упругости членовъ одной руки, насильственность движеній, давленіе накрѣпко сжатаго узла, причиняли извергу мученія настоящей пытки: кости у него вывертывались и рвались; внѣ кровь лилась въ рукавъ изъ подъ веревки, прорѣзавшей кожу; внутри кровь изъ руки и груди съ жаромъ неслась въ голову. Поминутно казалось, будто рука, разорвется. Онъ ужъ желалъ бы, чтобы она лучше разорвалась! Опасеніе скораго возвращенія людей, страхъ быть пойманнымъ въ этомъ положеніи, нетерпѣніе, досада, злодѣянія, разбои, казнь, — вся его преступная жизнь, — всѣ странныя ожиданія его жизни сперлись въ мутномъ его воображеніи, запрудили его, взволновали и заставили разлиться волнами горькаго отчаянія по мрачнымъ пропастямъ души его. Холодный потъ выступилъ на его челѣ. Несмотря на тигровую его терпѣливость, страданія наконецъ исторгли изъ желѣзной груди стонъ жалкій, болѣзненный.

Дуня, въ своемъ остолбенѣніи, поглощенная бездонною мыслію о предстоящей смерти, все это время смотрѣла на его движенія безъ любопытства и безъ удивленія. Она долго не понимала, что такое онъ дѣлаетъ, и даже не пыталась понять его дѣйствій. Неизбѣжная погибель обняла уже всѣ ея понятія и чувства гробовымъ усыпленіемъ. Она еще стояла, но уже не жила. Но внезапный стонъ злодѣя разбудилъ ее. Она увидѣла, какъ-бы изъ просонья, кровь на немъ, кровь на полу, ужасно разинутый ротъ, обнаженные кривляніемъ зубы, красные, выкатившіеся глаза; она прочитала его страданія на взрытомъ, измученномъ лицѣ, и отгадала все дѣло. Умъ ея озарился надеждою; она уже начинала думать о своемъ спасеніи.

— Авдотья!!!... подвинь столикъ! закричалъ онъ измѣненнымъ, но еще грознымъ и повелительнымъ тономъ, который опять пронзилъ ее испугомъ и принудилъ къ слѣпому повиновенію волѣ убійцы. Она снова потеряла присутствіе духа. Несчастная Дуня подвинула къ нему уголъ столика. Извергъ успѣлъ достать его пальцами одной ноги: онъ оперся, поднялъ вверхъ на нѣсколько линій собственную свою тяжесть и тяжесть своей совѣсти...... То была для него минута небесной сладости! Никогда еще не ощущалъ онъ другой подобной въ жизни, даже послѣ удачнаго убійства. Боль облегчилась; онъ отдохнулъ. Но лѣвая рука, которую хотѣлъ онъ употребить къ освобожденію кисти изъ роковой петли, уже омертвѣла, лишилась силы и жизни. Петля затиснута была слишкомъ туго. Негодяй почувствовалъ, что самъ собою ничего онъ не сдѣлаетъ.

— Авдотья Еремѣевна!.... другъ мой!.... мое сокровище!.... кормилица!.... спасительница!.... сдѣлай милость!.... взлѣзь на столикъ сама!...... отвяжи мою руку!..... Я прощу тебя!.... Оставлю тебя живою..... Я хотѣлъ только пошутить.... Ахъ, голова кружится!

Страданія изверга растрогали сердце доброй дѣвушки. Чувство состраданія въ женщинѣ нерѣдко подавляетъ мысль о личной опасности: женщина мыслитъ сердцемъ, сказалъ кто-то недавно въ тысячу триста двадцать второй разъ отъ вымышленія типографіи. Состраданіе заняло въ Дунѣ мѣсто страха, потушило голосъ любви къ жизни. Она взлѣзла на столикъ, и долго, долго мучилась съ узломъ, — и не могла распустить его.

— Сдѣлай милость!.... благодѣтельница!.... поищи ножа!.... Разрѣжь эту проклятую веревку! Я умираю отъ боли........

Дѣвушка соскочила со столика и побѣжала въ буфетъ. Бѣдная дѣвушка! она не знаетъ, какую награду готовитъ ей гость съ краснымъ носомъ за ея доброе сердце. Она отыскала ножъ; уже бѣжитъ къ нему; уже вбѣжала въ двери той комнаты, гдѣ находился страдалецъ, какъ вдругъ столикъ, на который опиралась его нога, опрокинулся съ ужаснымъ стукомъ. Онъ только хотѣлъ перемѣнить ногу, зашевелился, подавилъ уголъ столика другою ногою, и лишился своей опоры. Онъ опять повисъ въ воздухѣ всѣмъ тѣломъ! Пронзительный ревъ былъ знакомъ нечаяннаго возобновленія прежнихъ страданій. Дуня остановилась въ дверяхъ. Искривленное дикимъ образомъ лице его проникло ее невольнымъ ужасомъ: ей казалось, что она видитъ лице сатаны. Это лице приковало ее къ мѣсту: она дрожала и не смѣла сдѣлать ни шагу впередъ.

Какъ быть? Она оглянулась и увидѣла подлѣ себя открытое окно: ей даже не пришло на мысль, что можно имъ воспользоваться. Но онъ такъ страждетъ! Ахъ, какъ онъ ужасно кричитъ!... Ужъ надо ему отрѣзать веревку!.... Дуня подвинулась шага на три впередъ. Ахъ, какая страшная рожа!.... Дуня отскочила назадъ, и, машинально, сама о томъ не думая, — прыгъ! — и выскочила въ окно на дворъ.

Очутясь на дворѣ, она сама еще не знала, что сдѣлала, и что ей остается дѣлать. Она только ушла отъ страшной, сатанинской его рожи, а не отъ него. Этотъ человѣкъ заколдовалъ ее своимъ взглядомъ! Онъ еще былъ хозяинъ ея жизни! Колѣни шатались подъ нею: она не смѣла удалиться отъ окошка.

— А!!..... чертовка!..... возопилъ свирѣпымъ голосомъ извергъ, борющійся съ пыточными терзаніями

своей выдумки. Умно же ты сдѣлала, а то я бы зарѣзалъ тебя, какъ курицу!

Эти слова, произнесенныя съ болью, съ отчаяніемъ, со злостью, мигомъ возвратили дѣвушкѣ умъ и память. Она помчалась за ворота. Въ ужасной шуткѣ злодѣя заключалась его же ужасная погибель. Думалъ ли онъ, что завязываетъ эту петлю для самого себя? Думала ли она, что это страшное мгновеніе, когда одна ея нога уже стояла въ гробу, было минутой спасенія невинности и примѣрной казни злодѣянія? Здѣсь было Провидѣніе! Оно есть всюду. Тѣ лгутъ безчестно, которые утверждаютъ, будто порокъ и преступленіе одни счастливы въ семъ мірѣ.

Она бѣжитъ, бѣжитъ изо всей мочи: никого не видно! Она бѣжитъ далѣе; уже у нея заняло духъ; уже она выбивается изъ силъ, все еще не смѣя оглянуться, чтобъ не увидѣть позади себя этой страшной рожи, чтобъ опять не попасться въ его руки.... Нигдѣ ни живой души!

Она взбѣжала на возвышеніе.

– Ахъ! это нашъ управитель!... Вотъ и нашъ Васька! И Прохоръ!.... Ахъ, и онъ съ ними!

Онъ, то есть, несравненный Иванъ, лакей губернаторскій. Всѣ они возвращались изъ кабака, счастливые, какъ души въ раю, беззаботные, веселые, распѣвая любовныя пѣсенки, покидывая шапки вверхъ, злословя своихъ господъ и исчерчивая дорогу безконечнымъ зигзагомъ. Дуня полетѣла къ нимъ. Она была блѣдна, съ растрепанною косою, съ выпяленными глазами, безъ платка на груди, въ совершен-

номъ разстройствѣ. Они встрѣтили ее плоскими шутками.

– Ступайте скорѣе! кричала она. Онъ повисъ!.... виситъ!.... виситъ, злодѣй!.... Скорѣе, братцы! -

– Ахъ, любушка, голубушка! кричали они, смѣясь. Кто виситъ?... гдѣ?... Поцѣлуй насъ, Дунюшка!.... Любо жить на этомъ свѣтѣ!

– Виситъ, говорятъ вамъ!.... Не смѣйтесь!... Бѣгите на мызу!.... Берите колья, топоры, ружья!.... Воръ. разбойникъ! грубіянъ! съ усами и съ краснымъ носомъ!... Хотѣлъ меня зарѣзать какъ курицу, повѣсить!...

Они ускорили шаги, вооружились чѣмъ кто могъ, и, выломавъ дверь въ сѣни, вошли въ покои. Онъ уже былъ безъ чувствъ: кровь лилась изъ него ртомъ и носомъ; рука, на которой онъ висѣлъ, вытянулась на поларшина болѣе противъ прежней мѣры. Они сняли его съ веревки, и связали.

По возвращеніи почтеннѣйшаго Гаврилы Михайловича и почтеннѣйшей Прасковьи Егоровны изъ города, въ тотъ же вечеръ былъ онъ отправленъ въ тюрьму и преданъ въ руки правосудія; и правосудіе признало съ удивленіемъ, что оно никогда еще не видывало – такой длинной руки!

БАРОНЪ БРАМБЕУСЪ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЧУХОНСКАЯ КУХАРКА,

или

ЖЕНЩИНА НА ВСѢХЪ ПРАВАХЪ МУЖЧИНЫ,

или

LA FEMME ÉMANCIPÉE DES SAINT-SIMONIENS.

=

ЭПИЛОГЪ КЪ ФИЛОСОФИЧЕСКИМЪ ГЛУПОСТЯМЪ XIX ВѢКА.

=

Нашелъ! нашелъ!

АРХИМЕДЪ.

Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ философы прогнали бѣдное человѣчество сквозь строй всѣхъ возможныхъ глупостей. Чѣмъ насъ не хлестали они за грѣхи наши! И республиками, и естественною, т. е. бараньей вѣрою, и всемірною представительною монархіей, и гильотиннымъ равенствомъ, и всякой всячиной, чего нельзя ни въ сказкѣ разсказать, ни перомъ описать. А изъ чего была вся эта напасть? Изъ одного человѣколюбиваго правила — «что твое, то мое, а что мое, до того тебѣ дѣла нѣтъ.»

Казалось бы, что пора людямъ перебѣситься: но нѣтъ! — чѣмъ далѣе въ воду, тѣмъ глубже. Вотъ, въ наше время, возстала секта Сенсимонистовъ, которая пресерьозно предлагаетъ роду человѣческому отречься отъ собственности, раздѣлить имущество по-братски, соразмѣрно съ умомъ и способностями каждаго, и жить

THE LIBRARY OF CONGRESS

DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING